
КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

«НАМ НУЖНА НОВАЯ КОНСТИТУЦИЯ»¹

ИНТЕРВЬЮ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ЖУРНАЛА А.И. КОВЛЕРА С А.И. ЛУКЬЯНОВЫМ, ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ И СУДЕБНОЙ РЕФОРМЕ

Вопрос: Анатолий Иванович, на страницах нашего журнала вот уже два года ведется дискуссия о реформе Конституции. Эта дискуссия была начата статьей Вашего коллеги — депутата Виктора Леонидовича Шейниса в № 12 за 1997 г., и по этому вопросу высказывались как ученые, российские и зарубежные, так

и практики, в том числе Председатель Конституционного Суда РФ М.В. Баглай.

Помимо политических мотивов, каковы, на Ваш взгляд, чисто правовые причины необходимости такой реформы? Каковы правовые основания ее проведения?

А.И. Лукьянов: Главное правовое основание — эта Конституция фактически не была принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. Оно проводилось не по действовавшему тогда закону о референдуме. Не было получено того необходимого большинства голосов, которое требовалось по Закону о референдуме. По признанию многих специа-

листов, в том числе и зарубежных, были допущены многомиллионные приписки голосов. Не хочу в нашем разговоре политизировать эту проблему. Конституция считается принятой, но поспешность в ее принятии проявляется буквально во всем: в неотработанности текста, уклончивых и двусмысленных формулировках, в правовой конструкции организации государственной власти, в построении федерации.

Когда же Вы спрашиваете у меня, какие имеются правовые основания для изменения

Конституции, то они, на мой взгляд, те же, что и для принятия любой Конституции.

Эффективность каждой Конституции измеряется тем, насколько она дает политико-правовые возможности обеспечения функционирования государства, экономики, социальной и культурной сфер жизни общества. Давайте признаем: по всем этим направлениям можно констатировать почти полное фиаско. Поэтому если раньше те, кто стоял за этой Конституцией, отказывались даже говорить об ее изменении, то сегодня об этом говорят все, в том числе и те, кто отрицал такую возможность. Достаточно обратиться к опубликованным в «Независимой газете» за 19 августа 1999 г. «Предложениям о поправках к Конституции РФ», авторы которых такие бывшие столпы Администрации Президента, как Г. Сатаров, М. Краснов. Они предлагают теперь принять фактически новую Конституцию. Как говорится, истина рано или поздно пробивает себе дорогу.

Поскольку это вопрос значительно более широкий, политический, не стал бы затрагивать сейчас политические моменты. Скажу только, что в Комитете Государственной Думы по законодательству и судебно-правовой реформе нам приходится постоянно заниматься этим вопросом. Сегодня в нашем распоряжении находится более тридцати поправок к Конституции. Часть из них внесена депутатами Государственной Думы, часть — субъектами Федерации, часть представлена Советом Федерации.

Вопрос: А Вы можете изложить смысл основных поправок?

А.И. Лукьянов: Да, конечно. В принципе они идут по следующим направлениям.

Первое важнейшее направление — это повышение роли парламента, в частности Государственной Думы, в осуществлении контроля за исполнением принятых законов. Кстати, разделение властей, так, как его обосновывал Локк, подразумевало не только законодательную работу парламента, но и обязательный контроль законодателя за выполнением законов, потому что без этого контроля, без знания того, как действует и применяется закон, невозможно готовить новые законы, невозможно вносить поправки

¹ Интервью было напечатано в журнале «Государство и право». 1999. № 12. С. 6–11.

в законодательство. Поэтому нет никакого сомнения, что этот вопрос должен быть решен, и он затрагивается в нескольких поступивших к нам поправках.

Вопрос: Извините, что я Вас перебыю. Хотел бы уточнить — Вы имеете в виду контроль только за исполнением законов или контроль в более широком аспекте, когда в понятие контрольных функций включается и контроль за исполнительной властью?

А.И. Лукьянов: Говоря о контроле за исполнением законов, надо учитывать, что сейчас Дума имеет право контролировать только то, что связано с исполнением федерального бюджета. А речь должна идти, конечно, о более широком контроле. И надо сказать, что явочным порядком Дума этот контроль наращивает. Он наращивается не только в ходе исполнения бюджета, но и осуществляется на парламентских слушаниях с участием большого числа представителей общественности, ученых. Он присутствует в ходе «правительственных часов», которые проводятся в Думе каждую неделю. Он обеспечивается через Счетную палату, которая только за последний год получила от парламента более сотни поручений. И наконец, контроль реализуется через систему депутатских запросов. Если в 1994 г. количество запросов было всего 30, то уже в 1995 — 170, в 1996 превысило 500. В 1997 вышло за тысячу, в 1998—1999 гг. превышает 2000. А это тоже форма парламентского контроля. Кстати, в Конституции о депутатском запросе вообще ничего не сказано. Соответствующую норму удалось включить лишь в закон о статусе депутатов. Кроме того, отмечу, что все время растет число вопросов, которые рассматривают комитеты в связи с анализом работы министерств и ведомств. А там тоже контроль присутствует. В нашем Комитете, например, не раз выступали представители министерств юстиции и внутренних дел, таможенного комитета, прокуратуры, Верховного Суда, Высшего Арбитражного Суда и других федеральных органов.

Теперь и о другой части Вашего вопроса, связанной с принципом разделения властей. Для того чтобы наша государственная конструкция могла действовать эффективно, необходимо закрепить в Конституции контуры взаимодействия между парламентом и правительством, парламентом и исполнительной властью. И вот здесь возникают совершенно обоснованные предложения о создании конституционных норм, делающих возможными формирование правительства парламентского большинства и контроль парламента за работой исполнительных органов. Тут нельзя ограничиться ни запросами, ни парламентскими слушаниями, ни «правительственным часом». В силу этого возникают предложения о необходимости создания следственных и ревизионных парламентских

комиссий, которые имели бы право изучения и расследования вопросов деятельности органов исполнительной власти. А это, в свою очередь, является шагом к созданию правительства парламентского большинства.

Вопрос: Анатолий Иванович, я готов согласиться с Вами. Но, смотрите, во многих зарубежных конституциях такой конституционной нормы нет, это стало конституционным и политическим обычаем. Скажем, во французской Конституции нет обязанности президента формировать правительство из партий парламентского большинства. Но попробуй он этого не сделать. Это уже как бы часть правовой культуры. Видимо, нам надо на данном этапе закрепить эту мировую традицию на уровне Конституции. Как Вы считаете?

А.И. Лукьянов: Да, это будет правильнее.

Третья позиция тоже очень существенна. Это отсутствие или по крайней мере не особенно хорошо проработанные нормы Конституции о взаимоотношениях федерации и ее субъектов. Равноправность субъектов, на мой взгляд, здесь неоправданна. Кстати, по этой причине мы не можем сейчас принять закон об основах организации власти в субъектах Федерации. Его уже в который раз не пропускает Совет Федерации. Естественно, это очень сложный вопрос, но без его решения нельзя обеспечить единство государства, единство законности, единство правопорядка.

Четвертый вопрос, — думаю, еще более существенный, связан с тем, что в Конституции заложено отделение органов местного самоуправления от системы органов государственной власти. Такого не было никогда в России, и сейчас схема местного самоуправления, отделенная от государственной власти, трещит по швам. И надо эту проблему решать, причем решать серьезно. Нельзя все время ссылаться на то, что эти органы могут быть наделены властными полномочиями. Сейчас число таких полномочий, которые делегируются местному самоуправлению, превысило сотню. Естественно, это не решение вопроса. С моей точки зрения, когда мы говорили, что Советы являются органами власти и самоуправления народа, это было ближе к потребностям жизни. Построить же управленческую вертикаль сейчас при таком ригористичном отделении местного самоуправления от государственного управления очень трудно. Это еще конституционный вопрос, который абсолютно необходимо решать.

И наконец, вопрос о президентских полномочиях. Соотношение или разделение властей, которое, кстати, во всем мире никогда буквально не соблюдается, по нашей отечественной традиции решили реализовать так, чтобы довести его до абсурда. Но ведь ветви власти скорее похожи на

сообщающиеся сосуды, чем на противостоящие крепости. В русской юридической науке, начиная с начала прошлого века, самые выдающиеся наши юристы говорили, что власть в государстве всегда едина, а разграничиваются или разделяются только функции ее осуществления. Сама конструкция такого разделения в действующей Конституции содержит много противоречий, и прежде всего в связи с тем, что накладывает отпечаток неопределенности на функции президента.

Когда читаешь нынешние работы по конституционному праву России, замечаешь, что одни авторы говорят, что президентские полномочия похожи у нас на полномочия французского президента, другие авторы пишут, что кое-что в полномочиях российского президента напоминает американскую модель и т.д. Этот вопрос мне часто задается иностранными журналистами. Могу сказать, что если это вообще похоже на полномочия французского президента, то этого президента звали не де Голль и не Миттеран, а Луи Бонапарт. Если это американский опыт, то он не доведен до логического конца.

Фактически же в Конституции 1993 г. получилось так, что российский президент стоит над разделением властей. Трудно сказать, чем руководствовались авторы этой Конституции, когда определяли президентский статус: если, скажем, французским опытом, то это должен быть гарант Конституции, гарант законности, глава Вооруженных Сил, человек, олицетворяющий единство нации. Если же президентские функции берутся у американцев, то это функции главы исполнительной власти.

В России же получилось так, что президент не относится ни к какой из трех ветвей власти, а осуществляет все три из них: он может своими указами подменять законодательную деятельность парламента; он непосредственно руководит четвертью всех исполнительных органов (причем главными, «силовыми» и международными ведомствами); он самолично назначает судей федеральных судов. Таким образом, президент возвышается практически над всеми ветвями власти. Это человек, концентрирующий огромные полномочия и одновременно не вполне отвечающий за свои решения. Администрация президента сегодня не только по численности своей превышает аппарат бывшего Центрального Комитета КПСС и размещается там, где был ЦК КПСС, не только имеет почти одноименные отделы, но, самое главное, она точно так же не несет ответственности ни за одно свое решение. То есть повторена в довольно карикатурном виде система, которая была в стране до так называемых «либеральных реформ».

Поэтому вопрос о полномочиях президента, особенно в его отношениях с парламентом,

правительством и судебной системой, видимо, необходимо решать в Конституции заново.

Вот комплекс основных вопросов, возникающих в связи с Основным Законом Российской Федерации.

Что касается других вопросов, то кроме названных упомянул бы предложения, которые связаны с порядком введения чрезвычайного положения, с использованием Вооруженных Сил на территории России и ее субъектов, а также поступившие из Совета Федерации предложения о наделении Генерального прокурора правом законодательной инициативы.

В прошлом созыве, как известно, Дума приняла три поправки к Конституции, получив по ним квалифицированное большинство голосов. Эти поправки пошли в Совет Федерации, но он их не принял, сославшись на то, что тогда не было закона о порядке принятия поправок к Конституции. Дума в течение трех лет билась над этим законом, сражалась и с президентской администрацией, и с правительством. В конце концов закон был принят и подписан. Теперь нет препятствий для изменения 3–8-й глав Конституции.

В связи с этим в Комитете были выбраны из более чем тридцати предложений о поправках пять. Эти поправки были внесены на рассмотрение Думы. И так сложилось, что фракции, которые сегодня больше всего требуют изменений в Конституции, осенью 1998 г. как раз их и провалили. Здесь постарался и «Наш дом — Россия», который голосовал против поправок, а теперь выступает «за», и «Яблоко», депутаты которого очень недружно проголосовали по проектам, и «Регионы России», и Жириновский, который обещал голосовать «за», но накануне голосования поменял свою точку зрения. Левый фланг, как известно, за все эти поправки голосовал практически единогласно.

Сейчас в Думе есть еще три поправки, которые, думаю, обязательно (они сейчас уже обсуждены в регионах) будут внесены в повестку дня осенней сессии 1999 г. Они как раз связаны с контрольными полномочиями парламента, с его правом создавать следственные комиссии, с нормами, которые устанавливают, что правительство нельзя распустить, не получив поддержки парламента и не заслушав хотя бы элементарного отчета правительства о проделанной им работе.

Вопрос: Путем какого механизма эти поправки могут быть приняты?

А.И. Лукьянов: Механизм установлен законом. Напомню, что такие поправки не касаются основополагающих статей Конституции, первой, второй, девятой ее глав. Поэтому их надо принимать в порядке, предусмотренном законом.

Вопрос: Анатолий Иванович, на Ваш взгляд, каковы шансы принять закон о Конституционном Собрании?

А.И. Лукьянов: У нас есть три проекта этого закона. У каждого из них имеются и плюсы, и минусы. Одни считают, что в Конституционное Собрание должны быть включены президент, обе палаты парламента, представители правительства и высших судов. Другие полагают, что, наоборот, это должен быть самостоятельный избираемый населением орган, наделенный широкими полномочиями. Однако опыт свидетельствует, что, если мы хотим создавать новые законы, тем более вносить поправки в Конституцию, то нужен сравнительно небольшой по численности, но эффективно работающий орган. Поэтому можно было бы создать широкое Конституционное Собрание, включив в него обе палаты, но все равно потребуется сравнительно небольшая комиссия (или рабочая палата) с приданным ей секретариатом, который мог бы работать непосредственно над текстом Конституции.

Вопрос: А как Вы относитесь к предложению пойти по французскому пути, когда для принятия поправок к Конституции президент собирает в Версале конгресс, т.е. обе палаты, а до этого работает комиссия университетских ученых, которая готовит формулировки поправок, образно говоря, водит пером по бумаге, собирает все предложения и предлагает конгрессу на утверждение поправки. Простой, дешевый способ.

А.И. Лукьянов: Не исключаю этого варианта. Что касается простого и дешевого способа, сомневаюсь, потому что в комиссии университетских ученых у каждого бывает по два-три мнения по одному и тому же вопросу, и их надо согласовывать. Мне это все пришлось проходить. Конституция СССР 1977 г. готовилась по-настоящему, всерьез, всего семью человеками. Это были крупные ученые. Группа работала очень основательно в течение года. Много специалистов участвовало в предварительной работе, но непосредственно подготовкой окончательного текста занимались семь человек.

Поэтому думаю, что тут должны быть какие-то сообщающиеся сосуды, но как минимум должна быть сильная рабочая группа. Хотя, с моей точки зрения, как бы ни обижались мои оппоненты, нам нужна новая Конституция, а не Конституция с заплатками в виде поправок, потому что Конституция 1993 г. себя не оправдала ни в общественной жизни, ни в государственном строительстве. В смысле же прав граждан хотя она и воспроизводит статьи международных пактов о гражданских правах, но не закрепляет в полной мере таких фундаментальных ценностей, как право на труд, право на отдых, на бесплатное образование, медицинское обслуживание и т.д. Когда затеваются такие

основополагающие права, возникают очень серьезные проблемы. Мы ощущаем это повседневно.

При этом если будет проводиться референдум об изменении Конституции, ему должно предшествовать всенародное обсуждение и тщательнейшее рассмотрение поправок, поступивших от населения. Стоит напомнить, что по проекту Конституции 1977 г. за четыре месяца ее обсуждения было получено около 400 тыс. предложений о поправках. На их основе было изменено 110 из 173 статей Конституции и прибавлена одна новая статья. В любом случае это было обсуждение, которое дало очень ощутимые результаты. Вот так должна была приниматься и Конституция 1993 г. Тогда можно было бы рассчитывать на то, что она будет Конституцией-долгожителем.

Вопрос: Напрашивается вопрос, может быть, чисто теоретический... Сама по себе классическая концепция разделения властей на три власти несла в себе изначальный дефект, не случайно против нее выступали и Гегель, и Бенжамен Констан, и многие другие. Бенжамен Констан уже в начале XIX в. предлагал дополнить разделение властей (три власти) четвертой властью — властью президентской либо властью конституционного монарха, для полной ясности. Сейчас говорят о «контрольной власти», т.е. власти конституционного контроля, об информационной власти и многом другом. Как Вы считаете, на рубеже веков, тысячелетий не нуждается ли сама концепция разделения властей в каком-то научном переосмыслении?

А.И. Лукьянов: Нуждается. Но нуждается не в направлении к монархии, а в совершенно ином направлении. Мы переступили грань постиндустриальной эпохи, вступили в эпоху информационную. Раскрылись колоссальные возможности концентрировать все полномочия по управлению государством не в руках одной какой-то личности, а привлекать к участию во власти миллионы и миллионы людей. Цензура исчезла, потому что появился интернет. Новые методы учета воли населения сейчас дают возможность спросить у каждого гражданина его мнение, зафиксировать это мнение при помощи компьютерных технологий. Совершенно иные возможности появляются у средств массовой информации. И самое главное, в экономике происходит стремительный рост «демократии участия», т.е. участия самих производителей в управлении производством во всех его формах.

Конституция 1993 г. сделала в этом отношении громадный шаг назад, вместо того чтобы быть на уровне современных решений. Это первое.

Второе. Давайте посмотрим, что происходит в мире с президентскими и монархическими режимами? Они все больше размываются. Это происходит либо путем сжатия полномочий президентов

до чисто представительских, либо путем воссоздания парламентских республик. В парламентской республике есть, конечно, свои слабости. Они далеко не всегда пригодны для переходных периодов жизни общества и для лечения застоявшихся социально-экономических болезней. Это так. Но, с другой стороны, любой коллективный орган даже в переходный период демократичнее и серьезнее единоличных институтов власти. По крайней мере того маразма и самодурства, которые мы наблюдаем в авторитарном режиме, при коллективном руководстве страной невозможно себе даже представить. Тем более что коллективизм соответствует нашей исторической традиции. В силу этого я совершенно убежден, что ни одна, подчеркиваю, ни одна иностранная модель для управления Россией не годится.

Дело в том, что Россия, во-первых, многонациональная страна, во-вторых, это огромная территория, в-третьих, это суровые климатические условия жизни людей. И народы России сами не за 70 лет, а за столетия выработали определенные формы правления. Тут нет никаких открытий. Это общинная или общественная собственность на землю. Иным образом такую огромную в тяжелых климатических условиях страну поднять нельзя. Это соборность, начинающаяся с Новгородского вече и продолженная в Советах. Это весьма своеобразное понимание прав гражданина, который при наличии соборности и общинности по-другому воспринимает государственную власть. Отсюда дух патернализма в отношениях государства и гражданина. Все это очень существенно.

Мы, юристы, закованные в правовые нормы, часто не учитываем еще и духовной, моральной стороны развития нашего общества. Взглянем объективно, на территории России действуют три великих религии: православие, ислам и буддизм. Каждая из них точно так же исторически выразила своеобразный коллективистский, общинный дух жизни России. Каждая из них сформулировала принципы отношений между обществом и человеком с приоритетом общественных интересов над личными. Все три религии проникнуты идеей общего интереса как главенствующего.

А что навязывается сегодня России? Главная идея протестантизма, которая ставит личность над обществом. Такой подход чужд России. Поэтому мне и большинству моих коллег в Комитете по законодательству ясно: нужна новая, прогрессивная, а главное, отвечающая российским традициям Конституция.

Тем, кто говорит, что поправки в Конституцию еще рано вносить, что надо подождать, следует просто напомнить, что всего через три года после принятия американской Конституции появился

известный «Билль о правах». Жесткость Конституции вовсе не означает ее неизменность.

Вопрос: Анатолий Иванович, я Вам хочу задать еще один вопрос, по которому мы сейчас спорим. Покойный Игорь Михайлович Степанов поддерживал идею о том, что необходимо вернуться к идее политического права, идее, которую высказывал еще Руссо, когда он писал свой труд «Об общественном договоре, или Принципы политического права», где отношения в обществе рассматривались не столько как правовые, сколько как политико-правовые. Действительно, конституционное право может быть сердцевиной этого права, но есть же отношения, которые выходят за пределы конституционного права, — избирательная система, парламентское право, статус госслужащих. Как Вы относитесь к этой идее возрождения концепции политического права?

А.И. Лукьянов: Игоря Михайловича я хорошо знал и уважал. Мы много спорили по этим вопросам и с моим покойным другом Борисом Михайловичем Лазаревым. Видите ли, я отношусь к этому вопросу более сдержанно. Конституция, если ее изобразить в виде некоего круга, содержит в себе основные нормы почти всех отраслей права, от которых как бы лучами отходят целые отрасли законодательства. Статья о равенстве граждан и избирательных правах конкретизируется целым массивом избирательных законов. Еще одна статья о гражданине расшифровывается в законодательстве о гражданстве. Статьи об исполнительных органах развиваются в административном законодательстве. Конституционные статьи о судебных органах — в законах о судостроительстве, статьи о собственности — в земельном, гражданском законодательстве, в авторском праве и т.д. Таким образом, конституционное право — сердцевина всего отраслевого законодательства. Вот эту основу я и назвал бы политическим правом, которое рождает всю правовую систему страны.

Вопрос: То есть политическое право как синоним государственного права?

А.И. Лукьянов: Не совсем так. Тут как раз речь может идти именно о конституционном праве, которое на практике превращается в государственное, а потом расшифровывается во всех отраслях. Этому была посвящена моя докторская диссертация.

Причем если брать федеративный аспект, то каждая отрасль здесь имеет свою специфику. Например, уголовное право, гражданское право — это чисто федеральное право. Если же брать законодательство о местном самоуправлении или административное законодательство, то это гораздо больше право субъектов. Получается очень подвижная система, которая не укладывается в какую-то

единую схему, но которая, с моей точки зрения, достаточно хорошо работает.

А.И. Ковлер: Кстати, с точки зрения пересмотра текста Конституции большой интерес представляют оригинальные положения конституций республик и уставов субъектов в составе Российской Федерации, такие как проведение референдума по доверию президенту или главе исполнительной власти, право законодательного органа отправлять в отставку правительство или выражать недоверие премьеру либо отдельным министрам, право отзыва депутатов и многие другие. Назрела необходимость проводить сравнительные исследования не только на уровне национальных правовых систем, но и правовых систем субъектов Федерации.

А.И. Лукьянов: Можно было бы провести научно-практическую конференцию по этим вопросам либо более масштабное исследование, взяв все самое лучшее из законодательства субъектов Федерации. Так же точно из зарубежного права надо взять все то полезное, что дает демократия участия и эпоха информационной революции. Мне кажется, что это было бы очень интересно.

Вопрос: И заключительный вопрос. В последнее время выходят Ваши поэтические сборники и публицистические работы. А каковы Ваши научные планы?

А.И. Лукьянов: Дело в том, что, к сожалению, мне сейчас приходится заниматься проблемами всех отраслей права. Это плохо. Я был и остаюсь все-таки государствоведом, специалистом в области теории государства и права, конституционного и административного права. В принципе работа в Комитете по законодательству и судебной реформе не позволяет сосредоточиться только на сфере моих научных интересов. Комитетом за эти годы подготовлен 91 закон. Кроме того, мы дали 174 заключения на законопроекты, готовившиеся в других комитетах Государственной Думы. Поэтому мне приходится заниматься и уголовным, и процессуальным законодательством, и административным кодексом, и нотариатом, и судостроительством, и сложными вопросами на стыке финансового, гражданского и трудового права. Это неизбежно. Но по-прежнему основным научным интересом для меня остается философия права, стыки между нашими правовыми институтами, история российской государственности, отражение в праве русских духовных традиций, тех идейных богатств, которые имеет наш народ. Вот это и не дает погрузиться в сферу только юридических, неопозитивистских идей.

Вообще подготовку Конституции нельзя, на мой взгляд, отдавать на откуп юристам. Они пишут на своем «птичьем» языке, который далеко не всегда понятен простым людям. Сегодня в праве

нужен живой язык общения. А у нас все заковано в замысловатые и нудные рамки юридических терминов. Скажем, последний избирательный закон превратился в сложнейшую юридическую инструкцию на 230 страницах. Уяснить ее с первого раза невозможно, потому что там слито множество правовых и сугубо технических положений, которые трудно переваривать даже опытному юристу.

Второй мой извечный интерес — сравнительное правоведение. Я начинал свою практическую работу в государственных органах еще в 1956 г., когда сравнительное право в нашей стране только зарождалось. Тогда в юридической комиссии при Совете Министров СССР была создана первая сравнительная картотека законов, которая потом нашла отражение в регулярных публикациях в Вашем журнале в рубрике о зарубежном законодательстве, где давался обзор отдельных институтов права. Вот этот сравнительный анализ норм отечественного и зарубежного законодательства и не дает мне всю жизнь покоя. Я считаю, что это очень интересно и с познавательной точки зрения, и с чисто практической, тем более, когда идет подготовка новых законопроектов. Сравнительный подход необходим как в отдельных отраслях права, так и особенно в сфере обеспечения прав и свобод личности. Здесь, кстати, надо хорошо знать также каноническое право — православие, исламское и индусское право, да и многие другие сферы традиций и культуры народов.

Вот те проблемы, которыми мне хотелось бы еще заниматься, а если позволит время, то и что-то написать для души и для науки.

А.И. Ковлер: Спасибо Вам большое за открытые и подробные ответы на наши вопросы.

А.И. Лукьянов: Спасибо и Вам, прежде всего за то, что мы избежали чисто политических вопросов. Я не изменил своих взглядов и остаюсь на левых позициях, хотя известно, какие тернии пришлось в связи с этим пройти. Но в Комитете мы твердо договорились политические пристрастия (а они имеются у каждого депутата) ставить на второй план. На первом плане — законность, правопорядок, интересы общества и гражданина. Без этого работать просто нельзя.

А.И. Ковлер: Такой же принцип установлен у нас в журнале: оставлять за его порогом политические оценки, как раньше в старое доброе время оставляли галоши в прихожей. Сейчас, правда, галоши не носят. Однако это не мешает — и даже обязывает нас — высказывать свои гражданские позиции, особенно когда речь идет о таком принципиальном вопросе, как Основной Закон страны.

Спасибо Вам большое, Анатолий Иванович, за вклад в нашу дискуссию. Ждем Ваших публикаций.